

Оноре де Бальзак

Спасительный возглас

Оглавление

Спасительный возглас	1
----------------------------	---

Красавица прачка из Портильона, что близ города Тура, острословие коей поминалось уже в сей книге, была одарена такой хитростью, что при случае могла бы заткнуть за пояс полдюжину попов и трех кумушек, а то и более. Зато и воздыхателей у ней было превеликое множество, и вились они вокруг нее густым роем, как пчелы, летящие ввечеру в свой улей.

Престарелый красильщик шелков, проживавший на улице Монфюмье в собственном великолепном доме, как-то раз возвращался верхом со своей мызы Гренадьер, расположенной на одном из живописных холмов Сен-Сира, и, держа путь к Турскому мосту, проезжал через вышеназванный Портильон. Вот тут-то красильщик и увидел прекрасную прачку, которая вышла теплым летним вечерком посидеть на крылечке, и воспылал к ней неистовою страстью. С давних пор помышлял он втайне об этой милой девице и порешил теперь сочетаться с нею законным браком. Так в скором времени наша прачка стала супругой красильщика, почтенной горожанкой Тура, и всего было у нее вдоволь: и кружев, и тонкого белья, и разной утвари; и хоть жила она с немилым, но была счастлива, научившись весьма искусно водить своего супруга за нос.

Был у красильщика друг, механик, мастеривший всякие приборы для обработки шелка, — человек низкорослый, горбатый и весьма коварный. Так в самый день свадьбы сказал он красильщику:

— Ты, кум, отлично сделал, что женился: теперь у нас с тобой будет славная женка!..

За сим последовали и прочие весьма вольные шуточки, какими водится у нас угощать новобрачных.

Горбун и впрямь принялся волочиться за красильщицей; а та, питая по натуре своей неприязнь к нескладно скроенным мужчинам, начала высмеивать домогательства механика, едко подтрунивая над всякими пружинами, станками и шпульками, от которых негде было повернуться в его мастерской. Ничто, однако, не могло остудить любовный пыл горбуна, и в конце концов до того он надоел красильщице, что она замыслила исцелить его какой-либо хитрой проделкой.

И вот однажды вечером, наскучив назойливыми приставаниями влюбленного мастера, велела она ему подойти около полуночи к боковой двери их дома, пообещав открыть пред ним все входы и щели... А надо заметить, что дело происходило студеною зимней ночью; улица Монфюмье ведет к Луаре, и здесь, словно в горном ущелье, даже летней порою бушуют ветры, сотнями колких игл вонзающиеся в прохожего. Наш горбун, закутавшись хорошенько в плащ, не преминул явиться до срока и в ожидании любовной встречи, чтобы не заколечеть, стал прогуливаться возле дома. Около полуночи он совсем продрог, разъярялся, как три дюжины чертей, угодивших ненароком под поповскую епитрахиль, и уже готов был отступить от своего счастья, как вдруг сквозь щели ставен пробежал слабый свет и скользнул вниз, к двери.

— О, это она!.. — сказал себе горбун.

И надежда тотчас согрела его. Он прильнул к двери и услышал знакомый голосок.

— Вы здесь? — спросила красильщица.

— Да!

— Покашляйте, чтобы я уверилась...

Горбун покашлял.

— Нет, это не вы!

Тогда горбун громко воскликнул:

— Как не я?! Разве не узнаете вы моего голоса? Откройте!

— Кто там? — спросил красильщик, отворяя окно.

— Увы! Вы разбудили моего супруга, он нежданно-негаданно возвратился нынче вечером из Амбуаза...

Красильщик же, заметив при свете луны какого-то человека возле двери своего дома, выплеснул на него из окна ведро холодной воды и закричал: «Держи вора!», — так что горбуну не оставалось ничего иного, как пуститься в бегство. Но с перепугу он весьма неловко перепрыгнул через цепь, протянутую в конце улицы, и свалился в смрадную канаву, каковую

градоправители наши не удосужились еще в ту пору заменить желобом для стока нечистот в Луару. От нечаянного купания механик наш чуть было тут же не испустил дух и проклинал в душе своей Ташеретту, как обитатели Тура любезно называли прелестную жену красильщика, имя коего было Ташеро.

Карандас, механик, изготавливавший разные приспособления, годные для того, чтобы ткать, прясть, наматывать и свертывать шелка, далеко не был простаком: он не поверил в невиновность красильщицы и поклялся прежде всего ей отомстить. Однако ж несколько дней спустя, оправившись от своего купания в грязных, многоцветных водах, что стекают из красильных мастерских, зашел он к своему куму поужинать. Тут красильщица так искусно его заговорила, сумела вложить в иные слова свои столько меду, обольстила горбуна столь заманчивыми обещаниями, что подозрения его рассеялись. И вновь стал он молить ее о свидании, а прекрасная Ташеретта, посмотрев на своего воздыхателя так, словно она сама только о том и помышляет, сказала:

— Приходите завтра вечером, муж мой уедет на три дня в Шенонсо. Королева пожелала отдать в краску старые ткани и будет держать с ним совет, в какие цвета их окрасить; времени на то уйдет немало...

Карандас облекся в самый лучший свой наряд и, нимало не мешкая, явился к назначенному часу в дом красильщика, где ожидал его славный ужин. На столе, накрытом белоснежной скатертью, — уж кого-кого, а нашу Ташеретту нечего было учить, как стирать и крахмалить! — красовались миноги, вино из Вувре и прочие заманчивые яства; словом, все было так заботливо подготовлено, что горбун с умилением взирал на блестящие оловянные тарелки, вдыхал запахи вкусных кушаний, а пуще всего любовался, как по комнате бегают и хлопочет милая Ташеретта — ловкая, нарядная, аппетитная, словно наливное яблочко в жаркий день! И вот, распавшись в предвкушении близких утех, горбун уже вознамерился было приступом завладеть красильщицей, как вдруг в дверь с улицы послышался громкий, хозяйский стук.

— Ах, — воскликнула Ташеретта, — что бы это могло приключиться? Спрячьтесь скорее в шкаф! Ведь однажды мне уже из-за вас досталось, и если мой муж застанет вас здесь, он может так разъяриться, что, чего доброго, тут же прикончит вас!

И она поспешно вталкивает горбуна в шкаф, запирает его там, прячет ключ и идет встречать своего муженька, который, как ей ведомо было заранее, намеревался к ужину воротиться из Шенонсо. Едва красильщик вошел в дом, Ташеретта жарко расцеловала его в оба глаза и в обе щеки, а он, заключив свою милую женушку в объятия, принялся осыпать ее звонкими, смачными поцелуями.

Затем супруги сели ужинать; они болтали, весело смеялись и наконец улеглись в постель; механик наш все это слышал, а сам всю ночь должен был простоять на ногах, не смея ни кашлянуть, ни пошевелиться. Был он стиснут в горах одежды, словно сардинка в бочке, а воздух до него не более, чем доходит солнечного света до рыб в пучине морской. Но зато он мог на славу потешить себя, внимая всей музыке страсти, томным вздохам красильщика и сладкому лепету Ташеретты. Наконец, когда горбун порешил, что кум его забылся сном, он начал потихоньку приналегать изнутри на дверцу шкафа.

— Кто там? — промолвил красильщик.

— Что с тобой, мой дружок? — спросила жена, высовывая носик из-под одеяла.

— Слышу я, будто кто-то скребется.

— Видно, завтра быть дождю: это скребется кошка, — отвечала жена.

И доверчивый супруг вновь опустил голову на подушку, убаюканный нежными речами обманщицы.

— Ну и чуткий же сон у вас, друг мой! Попробуй проводи такого муженька!.. Спи же, будь паинькой! Ой-ой-ой, папаша, да ведь у тебя совсем съехал на сторону колпак! Давай-ка оденем его как следует, мой дружок, ведь и спящему надо быть красивым. Ну, что, теперь хорошо тебе?

— Да.

— Ты спишь? — спросила она, целуя мужа.

— Да.

Утром красильщица отперла потихоньку шкаф и выпустила оттуда механика, который был бледнее мертвеца.

— Ох! Воздуху, воздуху! — только и мог пробормотать он. И убежал, исцеленный от жгучей страсти, унося в сердце своем столько злобы, сколько можно унести зерна в мешке.

Вскоре после того наш горбун покинул Тур и отправился в город Брюгге, куда пригласили его местные купцы, задумав оснастить в вышеназванном городе мастерскую для изготовления кольчуг. Во время долгой своей отлучки Карандас, в жилах коего текла мавританская кровь, ибо род свой он вел от некоего древнего сарацина, тяжело раненного в битве меж маврами и французами, разыгравшейся в общине Баллан, на том самом месте, где лежит ныне огромная пустошь, именуемая ландами Карла Великого, и где ничто не произрастает, поскольку погребены там неверные, и от тамошних треклятых трав отвращается даже скот, — итак, обретаясь в чужих краях, Карандас и спать ложился и вставал с единой мыслью — как бы утолить ему свою жажду мщения; днем и ночью думал он об этом и порешил не успокаиваться, пока не насладится гибелью красавицы-прачки из Портильона, и то и дело твердил про себя:

— Уж я отведаю ее мяса! Черт возьми! Велю изжарить ее розовый сосочек и буду грызть его даже безо всякой приправы!

То была черная ненависть, чернее монашеской рясы, ненависть разозленной осы или старой девы; да, все, какие только есть виды ненависти, все слились в одну-единую ненасытную ненависть, и она клокотала и бурлила в душе горбуна, обратилась в некий эликсир, вскипевший на самом жарком адском огне, ядовитое зелье, в состав коего вошли все злобные чувства, что нашептывает нам лукавый; словам сказать, такой лютой, неумемной ненависти свет еще не видывал.

И вот в один прекрасный день наш Карандас возвратился в Турень с полной мошной денег, нажитых во фландрских краях, где промышлял он тайнами своей механики. Он приобрел себе превосходный дом на улице Монфюмье, каковой и поныне стоит там, возбуждая удивление прохожих весьма занятными изображениями, высеченными на каменных его стенах. Злобствующий Карандас нашел изрядные перемены в доме своего кума-красильщика... Старина уже обзавелся двумя славными ребятишками, у коих по странной случайности нельзя было приметить никакого сходства ни с отцом, ни с матерью; но коль скоро надобно, чтобы дети на кого-нибудь да походили, то всегда найдутся умники, которые приметят у ребят — о льстецы! — сходные черты хотя бы с прадедами, разумеется, ежели те были красивы... Что до нашего красильщика, то, в простоте душевной, он полагал, что оба сына имеют превеликое сходство с его дядей, служившим во время оно священником в церкви Эгриньольской богоматери; по словам же иных зубоскалов, малютки были живым подобием некоего красавчика попаки из церкви Ларишской богоматери, что находится в прославленном приходе меж Туром и Плесси.

Одно мне хочется запечатлеть в мозгу вашем, и если вы извлечете, вынесете и почерпнете из нашего повествования только эту истину, основу всех истин, — вам и то надлежит почитать себя счастливыми. Истина же сия гласит, что никогда ни один смертный не сможет обходиться баз носа, *id est*, что он будет всегда сопляком, иначе сказать, останется на веки вечные верным своей природе и, стало быть, во все грядущие времена будет пить и веселиться, ни на йоту не становясь ни лучше, ни хуже того, чем был, и тем же заниматься будет, чем занимался доселе. Рассуждения наши пусть послужат для того, чтобы вы лучше усвоили и уразумели, что двуногая тварь, именуемая человеком, будет вечно верить тому, что льстит ее страстям, что питает ее ненависть и благоприятствует ее любви. Вот вам и вся мораль!

Посему в первый же день, когда вышеназванный Карандас увидел детей своего куманька, увидел смазливую попаки, красавицу Ташеретту, красильщика Ташеро — словом, все семейство за трапезой, а также, к великой досаде своей, заметил, как Ташеретта

лучшие куски рыбы подкладывает своему дружку, с лукавством притом на него поглядывая, наш механик сказал себе: «Моему куманьку наставили рога, его жена слюбилась со своим красавчиком духовником, детки были сотворены при помощи его святой водицы. Ну, а я докажу им, что у горбунов имеется кое-чего побольше, чем у прочих людей!»

И было то сущей правдой, как правда то, что Тур стоит и всегда будет стоять, погрузив стопы свои в Луару, словно купающаяся красотка, которая играет с волнами и плещется, звонко похлопывая по воде белоснежными своими ручками; ибо Тур есть город веселья и смеха, город цветущий, влюбчивый, веющий свежестью, благоуханный более, нежели все иные города на белом свете, недостойные даже умастить власы ему или омыть ноги! Знайте, коли вы туда поедете, что как раз посреди города вы увидите прямую, как стрела, улицу, где прогуливаются все горожане, где для каждого есть и ветер, и солнце, и тень, и дождь, и любовь. Да, да, не смейтесь, а побывайте-ка лучше там! Улица эта вовек не надоест, она королей достойна, императоров достойна, она поистине гордость нашей Турени, эта улица о двух тротуарах, открытая с обоих концов, ровная от самого начала до конца и столь широкая, что никогда не кричат на ней: «Берегись!», улица, которой воистину износу нет и не будет! Улица эта ведет к аббатству Гран-Мон и ко рву, через который живописно перекинут мост, а дальше расстилается обширное ярмарочное поле; это искусно вымощенная, красиво застроенная, отлично прибранная и умытая, гладкая, как зеркало, улица, оживленная и многолюдная в одни часы, пустынная и притихшая в другие, прикрытая, словно кокетливым ночным чепцом, нарядными голубыми крышами; короче сказать, та самая улица, где я впервые увидел свет, царица всех улиц, мирно покоящаяся меж небом и землей, улица с фонтаном, улица, коей дано все, дабы стать самой прославленной улицей в мире!

И верно, это единственная улица в Туре, достойная так называться. Ежели там и существуют другие улицы, то они грязны, кривы, узки, сыры, и все они сбегаются, чтобы почтительно приветствовать благородную сию улицу, как свою повелительницу и госпожу. Да, на чем, бишь, я остановился, куда забрел?.. Такова уж наша улица: как попал на нее, так и не захочешь уйти, до того она хороша! По-сыновнему чтя ее, я хотел воздать этим, прямо из сердца вылившимся, описанием восторженную хвалу моей родимой улице, на углах коей не хватает лишь изображений достославного моего учителя Рабле и господина Декарта, как видно, неизвестных уроженцам наших мест.

Итак, когда вышеназванный Карандас воротился из Фландрии, его с радостью встретили и приятель его красильщик и все прочие, кому по сердцу приходились язвительные насмешки, бойкие шуточки и словечки горбуна. По видимости, наш механик исцелился от прежней страсти; как истинный друг, толковал он о том, о сем с Ташереттой и с попиком, ласкал малюток; но, оставшись однажды с глазу на глаз с красильщицей, он привел ей на память ночь, которую пришлось ему провести в шкафу, и другую, с купанием в зловонной яме, и воскликнул:

— Ох, сколь жестокие шутки вы надо мной шутили!

— И поделом было вам! — отвечала Ташеретта, смеясь. — Ведь ежели бы из великой любви ко мне вы дали бы тогда еще денек-другой поморочить вас, подразнить и помучить, то и вы, может статься, потешили бы себя не хуже, чем иные прочие.

Карандас посмеялся в ответ, но в душе он бесился. Когда же взгляд его упал на шкаф, где он когда-то чуть не задохся, наш горбун и вовсе рассвирепел, тем паче, что за истекшие годы прекрасная жена красильщика стала еще прекраснее, как то бывает со всеми женщинами, кои свою свежесть и красоту свою возрождают, непрестанно погружаясь в воды юности, а таковые не что иное суть, как живые родники любви.

Готовясь отомстить за себя, наш механик прилежно стал высматривать, как наставляют рога его куманьку, ибо сколько есть на свете семейных очагов, столько и способов найдется в этом искусстве, и хотя все любовные истории похожи одна на другую, как и все мужчины меж собою схожи, пора бы уразуметь мудрецам, толкующим умозрительно о житейских делах, что, к вящему удовольствию особ прелестного пола, каждая любовь по-своему протекает и ладится, и ежели нет на свете ничего более сходственного, чем мужчина с мужчиною, то нет

также ничего и различнее их. Вот что постоянно сбивает нас с толку и вот чем объяснять должно всевозможные прихоти женщин, кои с превеликим упорством стараются сыскать для себя наилучшего из мужчин, познавая притом множество радостей и множество мук, и последних, увы, куда более отпущено им судьбою.

Как же осуждать бедняжек за беспокойные их порывы, поиски, пробы и перемены? Ведь все в самой природе находится в вечном коловращении, все движется, все меняется, так неужто же потребуете вы, чтобы женщина, одна из всего сущего, пребывала в неподвижности?! Кто с достоверностью может сказать, что лед холоден и не обман ли это наших чувств? Никто. Тем более неведомо нам, не суть ли рога мужей просто дело счастливого случая, всегда благоприятствующего обладателям ума изощренного и изворотливого? Лишь глупец один не видит под небесами иных усад, кроме наслаждений чревоугодия!.. Я знаю, что могу нанести ущерб философической репутации сей глубокомысленной книги — пусть! — но я утверждаю и буду утверждать, что шарлатан, бродящий от дома к дому с криком: «А вот крыс морю», — смыслит куда более, нежели те, кто предерзостно тщится подглядеть сокровенные тайны природы, ибо природа — гордячка и капризница, допускающая лицезреть себя лишь в той мере и лишь в те часы, когда ей заблагорассудится. Хорошенько усвойте это! Ведь недаром же природа, особа в высшей степени непостоянная, плодovitая и неистощимая на выдумки, обозначается на всех языках словом женского рода!

В скором времени Карандас уверился, что для женщин самый надежный и удобный способ наставить мужу рога — это взять себе в любовники лицо духовного звания. И вот как устраивала свои любовные дела прекрасная наша красильщица. Накануне воскресных дней отправлялась она на мызу Гренадьер, что возле Сен-Сира, оставляя своего супруга дома заканчивать дела, проверять счета и расплачиваться с работниками. Наутро Ташеро тоже приезжал на мызу и неизменно заставлял на столе вкусный завтрак, а супругу свою в самом веселом расположении духа; с собою он прихватывал всякий раз и молодого попаика. Хитряга еще накануне переплывал на челне Луару, и, согревая красильщицу в своих объятиях, удовлетворял исправно все ее желания, дабы ночью ей слаще спалось, — занятие, к которому молодые люди бывают весьма способны. А поутру сей укротитель страстей благополучно возвращался восвояси еще до того часа, как Ташеро, по своему обычаю, заходил за ним, чтобы вместе ехать для приятного отдыха на мызу Гренадьер, и посему наш рогоносец всегда заставлял попаика в постели. Лодочник, щедрую мзду получая, молчал, и о проделках тех не знала ни одна живая душа, ибо любовник переправлялся на другой берег, в Гренадьер, лишь ночной порой, а возвращался тем же путем в воскресенье, едва забрезжит свет.

Проведав, что эти любовные встречи совершаются в урочные часы и по взаимному сговору, Карандас стал выжидать того дня, когда любовники, после вынужденного перерыва, сойдутся, особенно сильно стосковавшись друг по другу. Случай не замедлил представиться, и, снedaемый любопытством, горбун приметил однажды внизу у берега близ канала святой Анны челн, поджидавший вышеупомянутого попаика, — а попаик был юноша белокурый, стройный и на диво сложенный, напоминавший изящного и томного любовника, воспетого господином Ариосто¹. Механик тотчас же поспешил к старому красильщику, который по-прежнему любил жену и полагал, что только он один опускает свой перст в бесценную чашу со святою водою.

— Добрый вечер, кум! — сказал Карандас.

В ответ Ташеро приподнял свой колпак.

Тут горбатый механик стал повествовать куманьку о любовных утехах его супруги, совершаемых втайне, ввертывая притом разные словечки, бередившие душу красильщика. Наконец, видя, что тот распалился и готов убить свою жену и попаика, Карандас ему говорит:

¹ ...напоминавший изящного и томного любовника, воспетого господином Ариосто — Имеется в виду Медор, персонаж поэмы Ариосто «Неистовый Роланд», влюбленный в красавицу Анжелику — Ариосто, Лодовико (1474—1533) — крупнейший итальянский поэт эпохи Возрождения.

— Дорогой сосед, из фландрских краев я привез отравленную шпагу, малейшая от нее царапина причиняет мгновенную смерть; стоит вам прикоснуться той шпагой к вашей потаскухе и ее дружку — и оба они умрут.

— Так пойдем же скорее за этой шпагой! — вскричал красильщик. И они поспешили в дом горбуна, захватили с собою шпагу и побежали что есть духу на мызу.

— А мы застанем их уже в постели? — вопрошал с тревогою Ташеро.

— Коли нет, так подождем, — отвечал горбун, смеясь про себя над кумом.

Однако ж рогоносец был избавлен от тяжких мук — ему не пришлось долго ожидать начала любовной игры. Прекрасная красильщица и ее возлюбленный, уже давно предаваясь приятному занятию, ловили в знакомом вам прелестном саду маленькую птичку, которая порхает то туда, то сюда. Они старались, как могли, поймать ее, громко смеялись и начинали сызнава.

— О миленький мой, — говорила Ташеретта, крепко сжимая в объятиях своего дружка, словно навсегда желала его к себе припечатать. — Столь велика моя любовь к тебе, что я хотела бы тебя съесть! А пуще того мне хотелось бы вобрать тебя во все поры тела моего, чтобы ты вовек не расставался со мною!

— Я и сам того желал бы, — отвечивал попик, — но, увы, сие для меня невозможно! Уж придется тебе довольствоваться лишь частицей естества моего...

В этот сладчайший миг и вошел супруг, размахивая над головой обнаженной шпагой. Прелестная красильщица достаточно хорошо изучила лицо своего мужа и сразу поняла, что для возлюбленного ее настал последний час. Нимало не медля, ринулась она навстречу своему супругу, почти нагая, с растрепавшимися волосами, прекрасная от стыда и еще того прекраснее от любви, восклицая:

— Остановись, несчастный! Не убивай отца детей своих!

Тут наш красильщик, ослепленный отцовским величием рогоносца, а равно и пламенными взорами своей жены, уронил шпагу прямо на ногу горбуну, шедшему за ним по пятам, и тем убил его.

Сие учит нас, что не должно быть злым и мстительным.